

ХОГНИТ

Давайте попробуем поговорить с ними, если это возможно. А вдруг они все-таки нравственные существа.

Роберт Шекли. Чудовища

День выдался тяжелым. Из тех, что обязательно случаются раза два-три в году и требуют к себе философского отношения.

Доктор Фрэнк Дрез в который уже раз за последние пять минут взглянул на часы. До конца рабочего дня оставалось каких-то жалких тридцать минут. Тридцать рваных движений стрелки по циферблату — и вот они: вкусный ужин, стакан теплого молока и шоу Бобби Мерсера по телевизору...

Чудесные мечты оборвал скрежет (как же без него) отрывающейся двери. Доктор мысленно посетовал на судьбу.

Пациент... Как не вовремя!

Догадаться о том, что это действительно пациент, а не совершенно случайно забредший страхового агента, не составило никакого труда. Внешность нежданного гостя была, мягко говоря, странновата. Побледневшая, нахмуренная копия Гомера Симпсона, одетая в потрепанный костюм темно-зеленого цвета.

Мисс Смит, секретарь, сделала свою работу быстро и незаметно. Впрочем, как и всегда. Положила на стол историю болезни, пока состоявшую из одного листочка, и исчезла.

Пациент, ничего не говоря, уселся в кресло и уставился на Дреза. Улыбнувшись, доктор произнес спокойным, бодрым голосом:

— Слушаю вас.

История, поведенная гостем, сильно расстроила Фрэнка. Путаный, бредовый, странный рассказ. Случай оказался не из простых, и тут ограничиться стандартными советами не удастся.

Уважающий все правила, включая досиживание до конца рабочего дня (хотя сохранять ли этот пункт, надо еще хорошенько подумать), он не позволил себе расслабиться в присутствии клиента. Но сделал это мысленно: сложил руки на груди, откинулся на спинку кресла и закатил глаза. Потом несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Полегчало. Затем придал лицу дежурное, максимально заинтересованное выражение. Взглянул еще разок на часы и приготовился к тяжелому разговору с этим человеком, типичной жертвой информационной эпохи.

— Итак... — Дрез украдкой склонился на листок, принесенный мисс Смит. — Итак, мистер Маланик, вы утверждаете, что обнаружили неизвестное науке животное, которое вас ежедневно терроризирует? Правильно я понял?

— Да, док, я же вам рассказывал.

Что ж, быстро освоился: сразу перешел на «док». Хорошо это или плохо?

— И где?

— Что — где?

Эдуард Мхитарян

ФАНТАСТИКА

— «Где» в смысле «где», мистер Маланик. Не нужно отвечать вопросом на вопрос, пожалуйста.

— Что вы конкретно хотите узнать, док? Я не понимаю.

Не понимает он!.. Фрэнк в который уже раз проклял сегодняшний день. Раздражение копилось с самого утра, и непонимание пациента чуть не переполнило чашу терпения. Да, работка психотерапевта не из легких. Но сегодняшнее раздражение было особенным. Его потихоньку подогревала, доводя до кипения, цепочка, казалось бы, мелких, но уж очень неприятных событий. Сначала из крана не желала течь вода — ни горячая, ни холодная, ни даже ржавая. Потом разбилась фарфоровая чашка, и ее осколки поранили пальцы. «Форд» не желал заводиться. И еще: из-за забытого дома или, что вероятнее, потерянного бумажника пришлось добираться до работы пешком.

Однако ничто и никогда не могло оправдать практикующего психотерапевта, врачевателя душ. Нельзя раздражаться при исполнении своих прямых обязанностей. Поэтому нужно помолчать секунд пять, представить картинку — зеленый луг нежится под голубым ярким небом — и спокойно, как ни в чем не бывало спросить:

— Ну, начнем вот с чего: где вы нашли неизвестное науке животное?

— Нашел? Вообще-то я его не находил, док. С чего вы взяли? Поиск должен быть осознанным. Вы знаете последовательность: сначала возникает потребность, затем формулируется цель, планируются действия.

Обнадеживающее начало. Психологический портрет вырисовывался с каждым произнесенным Малаником словом. Фрэнк немного успокоился. Теперь он знал — перед ним «любитель точных фраз». А это значило: в его словах не будет ни тумана, ни загадок, ни цитат из Священных Писаний. Правда, и самому доктору придется употреблять точные и недвусмысленные формулировки, иначе разговор затянется не на один час, что равнозначно катастрофе.

— Я все понял, мистер Маланик. Тогда расскажите еще раз о проблеме, с которой вы пришли ко мне. С того самого мгновения, как она на вас свалилась.

— Еще раз? Конечно, док. Вас, наверное, интересует, где все происходило? Во дворе моего дома. Может, вы слышали о нем?

— Нет, не приходилось.

— Нет? Странно. Так я вам расскажу. Что? Да, это имеет самое прямое отношение к случившемуся. Док, мой двор — настоящее произведение искусства. Его поверхность идеально ровная и гладкая. Не то что посадочная полоса Гринхема, которой он постоянно хвастается. Я потратил много лет, изучая разные науки, и построил особый механизм для идеального выравнивания земляных площа-

док. Вот уже десять лет и почти три месяца я дорабатываю его, чтобы добиться совершенства. Знали бы вы, док, каких великолепных результатов я достиг. Мой двор настолько гладкий, что нет и в помине погрешности большей, чем одна тысячная.

Однако! Чем дальше, тем интереснее. Дрез «улыбался», хотя мистер Маланик по-прежнему видел перед собой внимательное серьезное лицо. Доктора выручала старая добрая техника, которую он узнал в стенах университета Беркли: «на лице одно, а в душе другое». И еще заученная истина: при работе с пациентами эмоции уступают место пониманию. А «улыбка» доктора значила, что ему стала очевидна и такая немаловажная деталь: перед ним сидит не просто «любитель точных фраз», а человек с очень оригинальным, если не сказать странным, увлечением.

— Да, док, тысячная дюйма! Это дело всей жизни. Пусть оно и кажется всем чудачеством, но это моя жизнь, и я в ней счастлив. Если честно, я во всем стараюсь добиться ровности, точности и прямолинейности. Такова моя натура. Впрочем, я отвлекся. Перехожу к самому главному. До сих пор моими врагами были только дождь, ветер и птицы. Но неделю назад, часов эдак в пять-шесть утра, я вышел на крыльцо взглянуть на восход и увидел... В общем, половину двора занимала круглая вмятина футов десять в диаметре и глубиной ровно два дюйма.

— Ужасно! — подыграл Фрэнк.

— Да, док. Я был потрясен. Кому понадобилось портить мою работу, задавал я себе вопрос? И зачем спрашивается? Меня до сих пор в дрожь бросает, как вспоминаю это.

— Могу себе представить.

— Да? Спасибо за понимание, док. Но тогда я мог думать только об одном. Достав из мастерской инструменты, я взялся заново выравнивать поверхность. Знаете, передо мной была дилемма: либо сравнять весь двор с глубиной вмятины, либо просто заполнить ее землей. После долгих размышлений, я понял, что гармонию в природе...

Гармония в природе? Доктор Дрез окончательно забыл о раздражении, ведь перед ним сидел самый настоящий уникум. Да, такого рода помешательство в практике встретить крайне редко.

— ...Гармонию в природе обеспечивает однородность структуры. А она будет нарушена, если я стану доращивать ее чужеродным материалом. Решено — сделано. В тот же день я выровнял весь двор. Закончил работу еще до заката, часов в девять вечера, и без сил завалился спать. Кажется, в тот день я и не ел вовсе, точно не скажу. Всю ночь меня мучили кошмары.

— Давайте угадаю. Вам снился двор, весь в рытвинах и колдобинах. Так?

— Нет, док. Такого кошмара я бы не вынес. Мне снились пауки.

— Вы их боитесь?

— Не так чтобы очень. Но дело-то совсем не в этом... На следующий день, только проснувшись, я тут же выбежал на крыльцо и опять увидел изуродованный двор. И не одну вмятину, а целых три! Одна в другой, как перевернутая пирамида.

— Интересно.

— Еще как! Я решил внимательно изучить место преступления. Но так и не нашел никаких следов. Ни единого отпечатка ботинка. Да и сами вмятины оказались удивительны. Края ровные, а поверхность — гладкая на ощупь. Признаю, это было непередаваемо красиво и волнующе. Я оце-

нил по достоинству мастерство шутника, но все равно был в бешенстве.

— Что вы предприняли?

— Я вызвал шерифа Маккея и рассказал ему обо всем. А этот индеек в форме просто посмеялся надо мной. Сказал, что я чокнутый с рождения, а сейчас, похоже, окончательно свихнулся. Ему, мол, некогда заниматься всякой ерундой и искать каких-то кругоделов... Вы только вдумайтесь, что он сказал: «всякой ерундой»! Но ведь ерунда — это что-то не имеющее смысла, ни для кого ничего не значащее. А я занимался важным делом. И вообще...

— Мистер Маланик, не отвлекайтесь. Когда вы нашли... наткнулись на существо?

— После того как шериф уехал, я не находил себе места. Все шло к тому, что я, я сам должен поймать преступника. Было ясно, что кто-то или что-то издевается надо мной. В общем, решил не спать всю ночь и попытаться застать негодяя на месте преступления. Спрятался на втором этаже, чтобы видеть весь двор. Но в ту ночь ничего не произошло. Так я караулил еще пять ночей и уже не надеялся поймать хоть кого-то. Но, к счастью, ошибся. Вчера, в два часа ночи, я увидел виновника моей вынужденной бессонницы. Знаете, ожидал увидеть кого угодно, но... В общем, в мой двор залетела какая-то круглая плоская штуковина.

— А вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

— Хорошо, док. В бледном свете луны ее окраска была желтовато-коричневая. Она бесшумно парила над землей и постоянно вертелась и раскачивалась. Знаете, очень похоже на раскрученную юлу. Покрутившись вот так по двору, она опустилась на землю и стала наматывать по ней круги. Я смотрел завороченный. Закончив, эта тварь взлетела и пропала в темноте. Я тут же выбежал во двор и увидел множество небольших вмятин, образовавших что-то похожее на ожерелье.

— Занятно. Виновником ваших бед оказалась, как вы сказали, круглая штуковина?

— Ну... В общем, не дожидаясь утра, я позвонил шерифу и рассказал ему об этом блине.

— Блине?

— Именно. Я так его назвал.

— Оригинально.

— Спасибо.

— И что шериф?

— Он снова посмеялся надо мной, обозвал шизиком и сказал, что мою проблему может решить только один специалист.

— Я?

— Да, именно вы, док. Знаете, я тоже так думаю. Это существо, оно... В общем, создавать такие произведения искусства может только существо, имеющее разум.

— Вот как. Произведения искусства. Ни больше ни меньше?

— Да! И еще. Я провел маленькое расследование. Эта тварь достает только меня. Я обошел все дома в округе. Больше нигде ничего подобного не происходит и никогда не происходило. Тут что-то не так, но я сам не знаю что. А ваша работа как раз состоит в том, чтобы понимать чужой разум, копаться в чужом сознании, объяснять чужие мотивы. Пожалуйста, помогите мне. Я больше не могу, мой мир рушится.

— Вы хотите помощи от меня, простого психотерапевта. А не лучше ли вам, мистер Маланик, обратиться к охотникам или биологам? Они выловят эту тварь, изучат. Или к

военным пойти. Эти не только выловят, но и допросят.

— Шутите, док? Смешно. Но я надеюсь на вашу помощь. К тому же мне никто не поверит.

— Не представляю, как я смогу вам помочь?

— У вас получится, док. Я поймаю ее, и вы общаетесь с ней, объясните ей, что не стоит портить мой участок.

Пообщаюсь, хорошо сказано!.. Фрэнк задумался. Пальцы его правой руки застучали по столу.

Настало время принять решение. Поставить предварительный диагноз. Очевидно одно: Пол Маланик, неожиданно возникший в дверях его кабинета полчаса назад, не сумасшедший. Да он, мягко говоря, странный, оторванный от реальности, мыслящий временами логично, временами нелогично, помешанный на своих причудах. Но совершенно точно, он не сумасшедший. Этих Дрез научился распознавать за годы практики. А вот что совершенно ясно: мистер Маланик как пациент очень интересен и перспективен. Статья для «National Psychology» рождалась сама собой. Осталось только название придумать.

Определенно, надо браться за дело. К тому же эта тварь... Чем черт не шутит, вдруг она вправду существует? Хотя не исключено, что у Маланика раздвоение личности. Например, «слабой» половине Пола не нравится увлечение «сильной», и первая просто мстит, уродуя двор.

Да, такого запутанного случая в практике Дреза еще не было. Что ж, поначалу взглянем на участок Пола Маланика, поймаем неизвестную тварь, если она существует, и попробуем убедить ее отстать от хозяина участка.

Доктор принял решение и сказал:

— Уговорили. Сейчас поужинаем и поедем прямо к вам.

Пол Маланик жил на самом краю Бенингсвилля, в обычном деревянном двухэтажном доме. Двор, причина всех несчастий, огорожен забором, причем очень низким — может, специально для желающих повосхищаться шедевром хозяина. Неподалеку от двора — заметная горка земли; скорее всего, отходы производства.

Прямо от калитки и до самого крыльца дома зигзагом тянулся мостик. Именно на его середине сейчас и остановился Фрэнк. То, что он видел, действительно впечатляло. Поверхность двора казалась идеально ровной. И, что еще удивительнее, совершенно гладкой на ощупь. Представить себе такое было чрезвычайно трудно, но зрение и осязание не обманывали.

— Потрясающе. У меня нет слов. Нет, вру. Есть одно: потрясающе!

— Спасибо, док.

— Я смотрю, вы снова все выровняли? Кругов не видно.

— Пришлось. Тварь может и не вернуться, оставь я все как было.

Доктор не удержался, снова коснулся земли.

— И не подумаешь, что такое можно сделать с сухой землей. Как это у вас получается, мистер Маланик?

— Не у меня, док. У механизма. Хотите, покажу?

— Еще бы.

— Тогда за мной!

Дверь, ведущая в подвал-мастерскую, закрывалась аж тремя кодовыми замками. Загородив их от Дреза, Пол стал набирать цифры. Спустя минут десять что-то скрипнуло, и вход плавно открылся.

— Прошу, док.

Внутри оказалось светло как днем. Все столы (а их было штук десять, не меньше), занимали инструменты, детали

ФАНТАСТИКА

и еще какие-то непонятные штуки. В дальнем конце мастерской стояло накрытое брезентом нечто. Именно к нему и подошел Маланик.

— Он здесь, док. Смотрите.

Бережно сняв брезент, Пол явил свету Механизм. Он одновременно напоминал и громадный пылесос с мешком для мусора, и большую газонокосилку.

Маланик принялся осматривать его, кое-где стер пыль, потрогал какие-то рычажки. Лицо Пола не покидало сосредоточенное выражение до тех пор, пока он снова не накрыл механизм брезентом.

— Это всего лишь машина, док. Главное у нее находится внизу. Там расположены пять рядов валиков особой, моей собственной, конструкции. Они и есть «золотые руки» мастера. Ха! Вот, подойдите сюда. У меня есть образец. Видите? Вроде бы обычный валик. Но нет. Половина его состоит из мелких острых лезвий, которые вспахивают грунт, размалывают камни. В общем, измельчают все в пух и прах. А вторая половина служит для выравнивания, я бы даже сказал, для полировки поверхности. Над этой конструкцией я бился почти пять лет. А вот через эти трубки сверхмощный пылесос вытягивает всю пыль. Засасывает все. Как видите, ничего сложного. Впечатляет, док?

— Впечатляет, мистер Маланик. Вы могли бы разбогатеть с таким-то талантом.

— Мог бы. Но зачем мне деньги, когда моя жизнь и сейчас не лишена смысла?

— Понимаю вас.

— Ладно. Пойдемте, я покажу, как мы будем эту тварь ловить.

Доктор Дрез любил работать с такими пациентами. Пусть они и живут в собственном мирке, зато там у них все налажено, все понятно и нет никаких заморочек. Эти люди за все берутся без страха. Все решают легко и просто, пусть зачастую и неудачно.

Сначала Маланик вытащил сеть и произнес заговорщицким тоном:

— Я все спланировал, док. Этим мы ее поймаем. — Затем он выкатил огромную стеклянную банку. — А сюда мы ее посадим. — Фрэнк молчал, и Маланик воспринял это как некое сомнение с его стороны. — Можете не сомневаться, у нас получится.

— Надеюсь. Скоро стемнеет. Пора?

— Да, вы правы. Подождем ее дома.

Они устроили засаду на втором этаже и стали ждать. Уставшего Фрэнка скоро сморил сон. Маланик же не сводил глаз со двора. Шло время. Часа в два ночи он разбудил доктора и потащил к окну. Вид у Пола был очень решительный.

Неизвестное существо действительно оказалось круглым и почти плоским, похожим на зерно чечевицы и размером в девять-десять дюймов. Ни глаз, ни ушей, ни рта Фрэнк не разглядел, только множество крупных пор и мелких белесых волосков, покрывавших его тельце.

Охота оказалась не такой уж и сложной. Пользоваться ловушкой довольно замысловатой конструкции оказалось проще простого. Маланик потянул за веревочку, сетка опустилась, и тварь забилась в ней. Двое «охотников» тут же выбежали с банкой во двор и накрыли ею добычу.

Существо вело себя очень тихо. Оно зависло над дном банки и почти не шевелилось.

— Ну, что будем делать, док?

— Не знаю. Вряд ли у нас выйдет с ним... с ней пообщаться. Я даже не знаю с чего начать. И вообще, этот ваш «блин» — очень странная штука. Как он висит в воздухе? Ни крыльев, ни моторчика я не вижу.

— Антигравитация, — уверенно сказал Пол.

— Вполне возможно, — чуть менее уверенно ответил док. Пять-шесть минут прошли в тишине.

— Есть одна идея, мистер Маланик. Но сомневаюсь, что вам понравится.

— Давайте, док, выкладывайте.

— Обрадуем журналистов сенсацией! Заодно и вас прославим, и ваше изобретение. А?

Маланик произнес обиженно:

— Исключено. Пусть оно и навредило мне, но мы с ним в чем-то родственные души. Поэтому забудьте о журналистах. Нет, нет, нет. Я все-таки человек, умеющий ценить искусство такого рода, и против совести не пойду.

— Извините. Дурацкое предложение.

— Принято. Есть еще идеи? Может, что-нибудь из области психологии?

— Знаете, что-то в ваших словах меня зацепило. Искусство такого рода, говорите... Из психологии... Ну, давайте просто начнем рассуждать вслух. Это, как показывает практика, самый лучший и зачастую единственный способ дійти до истины.

— Ладно.

— Итак, вы помешаны... в хорошем смысле, конечно, на своем механизме и на выглаживании земли. Так?

— Так.

— А что мы знаем о «блине»? Он круглый. Живой, скорее всего. Любит чертить на земле круги. Его притягивает ваш чудо-двор, на котором он и чертит круги. Причем с каждым разом все сложнее и сложнее. Вроде все.

— Все.

— Да уж. Вопрос в том, что ему нужно? Или ваш двор его чем-то привлекает, или ему не нравится созданный вами шедевр, такое тоже может быть.

— Может быть, а может и не быть.

— Не обижайтесь. Возможно, он случайно пролетал, увидел что-то для себя необычное и решил внести кое-какие коррективы. Тогда получается, он вам ничего не хотел испортить. А, мистер Маланик? Что, если он вам помогал?

— Или, или, или... Да, док, с этими «или» мы ни до чего не дойдем.

— Тогда давайте рассмотрим разные возможности. Для наглядности буду приводить примеры. Итак, возможна следующая ситуация. Представьте себе, что вы Никколо Паганини.

— Кто?

— Великий скрипач. Не помните? Он еще на одной струне целый концерт сыграл.

— А-а-а, что-то припоминаю.

— Так вот, вы — Паганини, вы считаете себя лучшим скрипачом в мире. И вот вы идете по улице и натываетесь на толпу, которая восхищается игрой неизвестного вам скрипача. Задето ваше самолюбие, ведь вы-то знаете, кто лучший. Тут же отнимаете у того скрипача инструмент и начинаете играть. Понятна мысль?

— В общем, да. Вы хотите сказать, что он просто решил меня переплюнуть. Ишь чего захотел!.. Смотрите, так и висит. Хоть бы шелохнулся.

— Но есть и такой вариант. Представьте, что вы Сальвадор Дали.

— Кто-кто?

— Мистер Маланик, я смотрю, кроме своего увлечения, вы ничем другим не интересуетесь.

— А чем еще можно интересоваться, док?

— Ну ладно... Так о чем это я? Ах да, Дали. Это известный художник, который очень любил шокировать публику своими картинами. Однако неординарный человек был, поверьте... Так вот, представьте себе, вы — Сальвадор Дали. В поиске новых идей гуляете по парку, дышите свежим воздухом. И вдруг видите брошенный мольберт, холст и краски. В вас тут же просыпается невероятной силы желание творить. И вы, естественно, начинаете рисовать. Как вам эта версия?

— Знаете, она мне больше нравится. Получается, его привлек чистый холст.

— В некотором роде да.

— Больше никаких идей?

— Почему же, есть одна.

— Выкладывайте.

— Вы слышали о каменных кругах на полях? Говорят, что их появление не поддается никакому объяснению. Может быть, кто-то их выложил ради шутки. Но есть и такая версия: с помощью этих загадочных кругов люди когда-то пытались выйти на контакт с иным разумом. Вот я и думаю: а что, если существо решило, будто вы хотите выйти на контакт с ним?.. О! Я, кажется, понял, что меня смутило в ваших словах. Как вы тогда сказали? Родственные души? Да? А что, может быть и так.

— Док, о чем вы. Я не понимаю.

— Сейчас объясню. Вполне возможно, что для него ваше творение значит что-то определенное. И вот, увидев ваш двор, он решил связаться с вами — как бы начать диалог на понятном вам обоим языке. То есть он действительно ваш собрат по увлечению, родственная вам душа. Понимаете? И его круги всего лишь попытка установить с вами связь. Ну, как вам идея?

— Версия интересная. Что ж получается? Он хочет поболтать со мной?

— Знаете, мистер Маланик, я вот что думаю. Надо бы вам, мой друг, обогатить свои увлечения. Вы все ровняете и ровняете, а пора бы уже развиваться дальше. И случившееся — самый настоящий знак свыше.

— Док, вы в порядке? Какой знак?

— Свыше! Хватит вам разглаживать землю. В этом вы уже добились совершенства. Попробуйте, так же, как и пойманная нами тварь, создавать идеально выполненные фигуры на земле. Начните с тех же кругов, а там видно будет.

— Не знаю, док. По-моему, ваша версия очень-очень притянута за уши. Вам так не кажется?

— Ох, мистер Маланик. Вы должны понять, что гадать мы можем до бесконечности. Я не смогу договориться с ним. Он другой. Совсем другой. Но и вы тоже не такой, как все. И по мировосприятию именно вы ближе к нему, и именно ваш двор привлек его внимание. Поэтому вам, а не мне удастся решить эту задачку.

— Но как?

— Чертите вместе с ним круги. Общайтесь через эти знаки. А я, пожалуй, пойду. Уже поздно.

— Знаете, док, если честно, вы меня разочаровали. Но все равно спасибо.

— Жаль, конечно, что я не оправдал ваших надежд, мистер Маланик. Но придется вам воспользоваться моим советом. Другого выхода нет. Я сейчас уйду, а вы еще подумайте над моими словами. Только хорошо подумайте. Обещаете мне?

— Да, обещаю.

— Тогда спокойной ночи. Я, пожалуй, заеду к вам в конце недели. Счет завезу и заодно узнаю, что вы решили.

— Хорошо, док. Спокойной ночи.

Доктор Дрез сел в машину. Было почти пять утра. До начала работы оставалось всего три часа. Выспаться снова не удастся, однако опаздывать нельзя. В мире еще столько интересного, и пропустить что-то из-за банального желания подольше поспать — это просто-напросто глупо.

ФАНТАСТИКА

А Пол Маланик сидел за столом в мастерской. Рядом с ним стояла пустая огромная банка, а перед ним лежал чертеж механизма. Стоило хорошенько подумать над доработкой. Ведь вырисовывать на земле идеальные круги — это вам не двор выглаживать!

Прозванное блином существо трудилось во дворе. До периода конъюгации оставалось всего ничего. Нужно успеть достроить гнездо, которое привлечет антипода. Как же ему повезло, что он так быстро наткнулся на хогнит, пусть и искусственного происхождения. Ничего, скоро он доделает гнездо, лишь бы телесник снова не вмешался. Потом встретит антипода и поглотит его. А там — прощай, парскурдный слой! — он скинет надоевшую телесную оболочку и, обогатившись, двинется навстречу следующему уровню Бытия.

